

И.Б. Ничипоров (Москва, Россия)

«Золотые долины»: о новой повести Романа Сенчина

Аннотация: Статья представляет один из первых откликов на литературную новинку – повесть Р. Сенчина «Золотые долины» (2021). Рассмотрены социально-психологические аспекты проблематики, образы героев, панорамное изображение региональной жизни страны за последние десятилетия. Особое внимание уделено сознанию центрального персонажа – двадцатилетнего студента-геолога, проницательного аналитика личного, семейного и социального опыта.

Ключевые слова: современная проза, образ молодого героя, национальное сознание, история и современность

I.B. Nichiporov (Moscow, Russia)

“Golden Valleys”: On the New Novel by Roman Senchin

Abstract: The article presents one of the first responses to the literary novelty of Roman Senchin’s novel “Golden Valleys” (2021). The socio-psychological aspects of the problem, the images of the heroes, the panoramic image of the regional life of the country over the past decades are considered. Special attention is paid to the consciousness of the central character of the 20-year-old geologist student as penetrating analyst of personal, family and social experience.

Key words: modern prose, the image of a young hero, national consciousness, history and modernity

Повесть Р. Сенчина «Золотые долины» (Новый мир. 2021. № 2) развивает давние интуиции писателя о болевых сторонах российской действительности и в то же время содержит оригинальный опыт художественного погружения в пространство современности, выдвигает образ молодого героя, осознающего себя на разломе исторических эпох.

Событийный ряд произведения сосредоточен на коротком периоде летнего пребывания студента-геолога Ильи Погудина 1999 г. рождения у отца с матерью в родном Кобальтогорске. Переживание им неясности перспектив от непосильной и растущей платы за обучение в большом городе, сомнения в избранном пути, мысли об оставлении учебы, боль за родителей и чувство вины перед ними, а также личная травмированность неблагополучием современности составляют у Сен-

чина сложный психологический узел, где частные драмы сплетаются с бедами общенационального масштаба. По язвительному замечанию одного из рецензентов, «терзается парень совестью, борется с брезгливостью, со взросшей на городской жизни базаровщиной в себе, стыдится жалеть, пренебрегать не хочет, чувствует цепкую трясиину вотчины, хоть и понимает о родине что-то особое, великое; ощущает собственное гипотетическое достоинство и имманентную ценность жизни вне замкнутого круга семейного рутинобразного существования»¹.

Исходное «приехал домой» об Илье Погудине служит отправной точкой для развернутой в духе иных полотен Сенчина² *истории бурно развивавшегося полстолетия назад поселка Кобальтогорска*, в ландшафте которого для героя нерасторжимо срослись уют родительского очага, аромат первой любви и тоска безысходности.

В середине прошлого века благодаря обнаруженным залежам кобальта, никеля, меди и строительству комбината эти удаленные от крупных центров места преобразились в «цветущий оазис цивилизации посреди гор и тайги», Кобальтогорск «сразу стал поселком городского типа». В структурировании своего пространства он явил одну из амбициозных проекций советской империи: детский сад строится здесь непременно «по ленинградскому проекту», школа – «по московскому проекту», а «дворец культуры не уступает филармонии в областном центре». Но социально-экономическими катастрофами начала 90-х гг. «подтвердилось... наступление нового времени» и в Кобальтогорске. Сокращение производства, а затем и закрытие комбината привели к его полному разрушению. Наследники энтузиастов великих строек, «романтиков шестидесятых», надеялись, что «вот-вот снова позовут в цеха и шахты», но поневоле втянулись в азарт самоуничтожения. В памяти героя осели абсурдистские сцены местного светопреставления, когда вчерашние труженики «плакали и крушили родной комбинат», отчего повсюду «днем и ночью стоял грохот», и вскоре недавний оплот надежной и процветающей жизни «растасили до последней железки. Даже бетонные стены покрошили, выдалбливая арматуру».

Если герой сенчинского рассказа «Немужик» (Новый мир. 2019. №5), приезжая на малую родину, отвлеченно тосковал по былому могуществу «горнозаводской цивилизации» и недоволенному «советскому раю», то Илья из «Золотых долин» острее чувствует сопряженность начала своей жизни с той порой: герой родился через пять лет после того, как «на склоне горы Трудовой» «заканчивали разорять комбинат...». Углубляясь в сферу родовой памяти, «почвенных» оснований личного существования, автор подмечает, что его герой хотя «не застал комбинат работающим», хотя и «не видел, как по утрам по поселку медленно ездил служебные автобусы, собирая мужчин и женщин, как возвращались вечером люди со смены, как награждали на площади перед заводоуправлением передовиков труда», а созерцал лишь, как «сереют бетонные остовы корпусов, – тем не менее всегда «сознавал себя сыном комбината, жил им. Даже умершим».

¹ Девш О. Вершки с корневищами // Знамя. 2021. №5: znamlit.ru/publication.php?id=7964 (дата обращения: 11.06.2021).

² Ничипоров И.Б. Региональные дискурсы в рассказах Романа Сенчина 2019 года // Филологическая регионалистика. 2019. Т.11. №3–4. С. 5–10 (электронный доступ: istina.msu.ru/publications/article/290928139/); Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопоэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т.24. №4. С. 616–624 (электронный доступ: istina.msu.ru/publications/article/283959073/).

Пристрастный живописатель оскудевающих, покидаемых людьми и иссякающих социальной энергией пространств, Сенчин отчасти глазами своего персонажа прослеживает стремительную гибель «уютного и образцового Кобальтогорска», который теперь, как будто в наказание неведомо за что, «разжаловали в село». В многовековом для этих мест споре природы и цивилизации последняя все определеннее начинает отступать, обнажая «пустоту огромной площади с лезущей из швов и щелей дикой тайгой», а *недавняя история, ее лица, смыслы и сюжеты размываются в стихии безликой коллективной мифологии*: памятник Ленину на Октябрьской площади высится теперь как диковинная «фигура мифического для Ильи и Вали вождя». Разрушительная авария на местной ТЭЦ, напоминающая вспышку неизлечимой болезни «живого существа», обернулась судебными разбирательствами в отношении «начальников и бизнесменов», имитационной «операцией по спасению поселка», которая «стала делом чуть ли не всей страны».

Выведенные в повести катаклизмы социального и техногенного характера влекут авторскую мысль к примечательным антропологическим наблюдениям и обобщениям. Подобно тому, как покинутый многими семьями Кобальтогорск со своими брошенными и аварийными домами словно разделился на «живую и мертвую половины», внутренне разорванным оказывается и мироощущение Погудина, его близких, знакомых, земляков – «эмоционально обесточенных жителей»¹.

Психологическими лейтмотивами выступают в произведении *терпеливое ожидание* кобальтогорцами положительных сдвигов в судьбе комбината, их *беззащитность* перед решениями начальников, бизнесменов, бандитов, ментов, экономистов, экологов, в один голос твердящих о вредности производства и непригодности этих мест для дальнейшего проживания, ибо кругом «мышьяк, радиация, цианистый натрий». *Активность и выносливость старшего поколения не перешли на стыке веков в энергию массового и консолидированного противления рабочих, мастеров, технологов, родителей, соседей навязанной государством логике самоистребления*. По оценке Ильи, попавшего в заложники современных авантюр в системе образования, *неразвитость культуры социального неподчинения* низвела население Кобальтогорска до уровня «сельских жителей», прозябающих «на остатках чего-то грандиозного» и походящих на последних древних римлян, «выращивающих капу-сту и пасущих коз возле руин Капитолия».

Отрывистыми, но содержательными штрихами прорисован в повести персонажный мир. Уделом «дядь Юры», который «занимал немаленькую должность на комбинате», остаются старые песни о «солнце нашей вечной юности», которые то ли от безысходности, то ли в знак сознательного вызова текущей действительности он поет на ступеньках «обклеенного рекламой микрозаймов» дворца культуры. Героической в своем роде личностью предстает семидесятипятилетняя баба Оля – «победитель соцсоревнования» 1976 г., принципиально отказавшаяся не только покинуть Кобальтогорск, но и выехать из некогда благоустроенной, а теперь аварийной квартиры, сохраняющей видимость городских удобств. Для своего сына и отца главного героя баба Оля – источник трепета перед разговорами о переезде, перед матерью он боялся «стать... дезертиром», а в более глубоком восприятии внука досада на бабушкино упорство сменялась догадкой о мотивах отвержения ею насаждаемых стереотипов, необходимого, как он понимает, для того, «чтобы сохранить пусть обозленную, израненную, но все-таки душу... И дядь Юра горланит недеревенские песни для этого...»

¹ Бушueva М. Тонкая нить надежды. Повести и рассказы о человеческом и сверхчеловеческом: lgz.ru/article/12-6777-24-03-2021/tonkaya-nit-nadezhdy/ (дата обращения: 11.06.2021).

Поездки с родителями в Золотые долины «меж двух гор Ханского хребта», которые раньше напоминали о золотодобыче в этих местах, а теперь лишь о природной «щедрости на грибы и ягоды», открывают для героя *путь рефлексии о поколенческом опыте*. Трогательна готовность отца и матери к лишениям, к бесценности одряхлевшей дедовской машины Филки с «грустной, измученной... мордой», которая регулярно «подаёт сигналы» об окончательной поломке, ради оплаты высшего образования сына. При этом драматична их неизбывная придавленность влиянием как старшего поколения в лице «крепкого» деда и бескомпромиссной бабы Оли, так и сегодняшних перипетий, превративших обжитую ими среду в зону всеобщего отчуждения до такой степени, что даже ягоду «из Кобальтогорска и его окрестностей не брали». Илья припоминает, как «папин друг... после школы уехал в Питер», стал рок-музыкантом, прожил короткую и яркую жизнь, «а папа... подчинился воле родителей и пошел в политех», впоследствии «бесконечно уныло так смотрел», когда, торгуя на рынке, мок «под зонтиком».

Тупики домашней жизни проявляются для героя и в том, что в «их семье мало разговаривали не по делу», и в застарелом разладе между родителями, поскольку мать «продолжает считать папу главой семьи, но уже не уважает». *Инерцию атомизации, отставания от «ускоряющейся жизни»* он различает в «блеклой» младшей сестре, которая, глядя, вероятно, на неудачи брата, «решила совсем спрятаться в себе», в школе «плохо запоминает... инициативы ноль». Невольное вырождение Насти сказалось в том, что она, «кажется, не умеет представлять, фантазировать... ей по-настоящему никто и не нужен», кроме «полуподруг», с которыми, впрочем, «она водилась словно бы по необходимости».

Пронзительна в повести намеченная, но так и не развившаяся любовная линия. «Простая», вечно молчавшая Валя, готовая «самозабвенно... выполнять монотонную, однообразную работу», с юности виделась Илье как несомненная спутница жизни, пробуждала в нем мужской инстинкт заботы о «беззащитном», «несамостоятельном» существе, которое «заклюют в городе, в этих колледжах». Его томление от взаимной неготовности перейти грань взрослых отношений («поцелуй получился сухой, пресный») осложняется невозможностью полноценного разговора с ней о вариантах дальнейшего жизненного выбора. Пытаясь заглушить свои раздумья о Вале и других земляках как «бездушных механизмах», он порывался даже «взять и обидеть, чтоб растормошить, оживить» ее, вызвать резкую реакцию на внешний мир.

Намек на *личное сопротивление череде социальных унижений* герой Сенчина распознает в бывшем школьном приятеле Кольке Завьялове, учившемся в городском строительном колледже и отслужившем по призыву в стройотряде мотострелковых войск. Его поразившее Илью решение вернуться «в армию обратно» становится способом намеренного ухода от обреченности бесконечно «картошку тяпать и потом ее есть», от повседневности, где «киргизы одни» и где «не нужны мы».

Характерен и эскизный портрет бывшей учительницы истории Зои Викторовны, давно «потухшей, потерявшей ко всему интерес». Ее оцепенелое состояние и неуклонное угасание лишь отчасти были следствием потери мужа, когда в ее поведении возобладало спокойствие, что «было страшнее боли, рыданий – какое-то неживое». В надрывном неприятии ею торгующих на рынке, в «насмешке и неверии», обращенных к Погудиным, и особенно в ожесточении от нелепого столкновения с бывшим учеником Ильей из-за цены на ведро брусники прорвались, с одной стороны, ее давняя, не получившая деятельного выражения обида на искривившееся

течение жизни, а с другой – его по-молодому рьяное стремление превозмочь синдром своей и родительской ущемленности: «И еще паутина вспомнилась, которая липла к лицу, когда собирал эту бруснику, мошка, лезущая в глаза и нос, холод утренний, мамино лицо, искаженное болью, когда разгибалась, папин затравленно-усталый взгляд, Филка, карабкающаяся по разбитому проселку».

В отзывах на «подчеркнуто скупую реалистическую прозу»¹ Сенчина, где «отдельные описания поднимаются до уровня современной классики»², другие же остаются «сухой однотонной публицистикой»³, резонно отмечалось, что в новой повести «за реалистической тканью текста незаметно мигают мистические огоньки»⁴. *Подхватывая наблюдения своего героя, автор насыщает их мифопоэтическими ассоциациями, выводящими к универсальным культурным оппозициям локального и мирового, злободневности и большого исторического времени, далекого и близкого, своего и чужого, оседлости и кочевья...* Так, воспоминания Ильи о детском оглядывании родных мест с вертолета знаменуют его начальную пространственную самоидентификацию. Восприятие Ханского хребта как «волны», «застывшей... на многие тысячи лет», прозрение в степных «полугорах-полухолмах» следов древнего мира, а в ритмах осенней природы отражения общественной усталости – сочетаются с попытками «прислушиваться к себе как к постороннему», диагностировать симптомы социальной обремененности университетских преподавателей и студентов, улавливать в своем состоянии внушаемое городом «ощущение тяжести, выдавливающей силы» и даже «думать о себе мыслями местных». Перечитывая свой старый школьный доклад о Кобальтогорске как «образцовом социалистическом поселке», о «прогрессивном будущем» малой родины и накладывая его содержание на впечатления от руин комбината, – а он «знал его только таким», – Илья с горечью осознает, что «цивилизация давно ушла вперед, а такие вот островки остались», и только тревожные «известия из большого мира» поддерживают здесь иллюзию прочности. Красноречиво при обозрении смены эпох соотнесение памятного его деду и отцу Кобальтогорска конца 80-х гг. с драками между районами, последующим переделом сфер влияния – и установившегося здесь на глазах Ильи «спокойствия кладбища», где уже «жизнь не пульсировала, не звала что-нибудь такое вытворять, доказывать».

Как и многие иные персонажи Сенчина, Илья Погудин балансирует между возвратом к природной «первобытности» и притяжением к стихии «многоэтажек, сотен автомобилей... многолюдности и суеты», а в финале повести, вдохновленный возможным возобновлением образовательного кредита, мечтает о «географическом» пути изживания социальных и психологических недугов: Валю оставить «в Кобальте, который с каждым мгновением все сильнее превращался в прошлое, – вот он вокруг, но уже почти нереальный», в родной поселок «звонить, благодарить, но не возвращаться». Едва ли не в созвучии с мотивами горьковских «босаяцких» рассказов герой Сенчина, решившись навсегда распрощаться с обезображенным поселком, недоумевает, почему «не снесут уродство бульдозером», пророчит «возвращение» тайги – и тогда «через сто лет ничего не будет напоминать о людском присутствии, дрязгах, грязи всей этой».

¹ Бушуева М. Бушуева М. Тонкая нить надежды. Повести и рассказы о человеческом и сверхчеловеческом.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Итак, новая повесть Р. Сенчина может быть истолкована как «метафора современного общества»¹, подвергаемого «тотальной социопсихологической интоксикации»², как объемная панорама региональной жизни страны последних десятилетий. Примечательна для современной литературы сфокусированность повествования на двадцатилетнем герое-созерцателе и аналитике, отчасти художнике по складу натуры, отягощенном травмами наследственного опыта, но пока сохраняющем перспективу самостоятельной инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

Сенчин Р. Золотые долины. Повесть // Новый мир. 2021. № 2: magazines.gorky.media/novyi_mi/2021/2/zolotyie-doliny.html

Бушueva М. Тонкая нить надежды. Повести и рассказы о человеческом и сверхчеловеческом: lgz.ru/article/12-6777-24-03-2021/tonkaya-nit-nadezhdy/ (дата обращения: 11.06.2021).

Девш О. Вершки с корневищами // Знамя. 2021. № 5: znamlit.ru/publication.php?id=7964 (дата обращения: 11.06.2021).

Ничипоров И.Б. Региональные дискурсы в рассказах Романа Сенчина 2019 года // Филологическая регионалистика. 2019. Т. 11. № 3–4. С. 5–10 (электронный доступ: istina.msu.ru/publications/article/290928139/).

Ничипоров И.Б. Из Кызыла в Париж: геопоэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 616–624 (электронный доступ: <https://istina.msu.ru/publications/article/283959073/>).

REFERENCES

Senchin R. Golden Valleys. *Novy Mir*. 2021. No 2: magazines.gorky.media/novyi_mi/2021/2/zolotyie-doliny.html

Bushueva M. The Thin Thread of Hope. Novellas and Stories about the Human and Superhuman: lgz.ru/article/12-6777-24-03-2021/tonkaya-nit-nadezhdy/ (date accessed: 11.06.2021).

3. Devch O. Vershki with Rhizomes. *Znamya*. 2021. No 5: znamlit.ru/publication.php?id=7964 (date accessed: 11.06.2021).

4. Nichiporov I.B. Regional Discourses in the Stories of Roman Senchin 2019. *Filologicheskaya Regionalistika*. 2019. Vol. 11. No 3–4, pp. 5–10 (Electronic access: istina.msu.ru/publications/article/290928139/).

5. Nichiporov I.B. From Kyzyl to Paris: The Geopoetics of a Modern Psychological Novel (“Rain in Paris” by R. Senchin). *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Literary Studies. Journalism*. 2019. Vol. 24. No 4, pp. 616–624. (Electronic access: <https://istina.msu.ru/publications/article/283959073/>).

Сведения об авторе:

Илья Борисович Ничипоров,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ilia B. Nichiporov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

il-boris@yandex.ru

¹ Бушueva М. Тонкая нить надежды. Повести и рассказы о человеческом и сверхчеловеческом.

² Там же.